

ПОЗИЦИЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОБЫТИЯМ НА УКРАИНЕ В 1661-1667 ГГ.

У статті розглянуто політику Речі Посполитої щодо України у 1661-1667 рр. в контексті внутрішньої ситуації в країні та її стосунків з Москвою.

Ключові слова: Річ Посполита, Україна, козаки, польсько-козацькі стосунки, польська політика.

Неудачная политика силового разрешения конфликта с казачеством, его переход под власть царя, зимняя кампания 1654/1655 года, отсутствие надежды обрести вновь Украину и осознание нарастающей угрозы со стороны Швеции, при предполагаемом нападении весной российских войск на Литву, привело к тому, что в Речи Посполитой появилось понимание необходимости изменить политику по отношению к казачеству. Обретение вновь земель, занятых казаками и Москвой, являлось необходимым условием для возвращения государству международной позиции. Именно тогда концепция соглашения стала приобретать все больше сторонников среди польско-литовских элит. Этот процесс усилился после смерти Богдана Хмельницкого в 1657 году, когда к

власти на Украине пришел Иван Выговский. Принятие программы, охватывающей заключение мира со Швецией и компромисса с казачеством, а также продолжение войны с Москвой, произошло во время заседания в марте 1658 года варшавского созыва сейма. Несмотря на политически турбулентную ситуацию и протесты Литвы, польско-казацкие переговоры привели к заключению в сентябре того же года Гадячского договора. Он был трудным компромиссом для обеих сторон. Для казацкой элиты и сознательной части русского общества означал отсрочку мечты о независимости, для польской стороны – одобрение значительной политической, военной, религиозной автономии Русского княжества. Уже на сеймах 1658-1659 годов большинство сенаторов относилась к

примирению лишь как к временной уступке. Кроме того, элиты власти Речи Посполитой возлагали надежды на казацкую помощь против Швеции и Москвы, хотя ввиду составленной частью коронной армии конфедерации, сами не смогли оказать поддержку гетману И. Выговскому [1, с. 27-221; 2, с. 265-290].

Переяславский договор 1659 года, признанный в Речи Посполитой изменой, вызвал реакцию, результаты которой могли быть катастрофические. Отклонено замысел поисков соглашения с казачеством в пользу разрешения конфликта на восточном театре действий посредством войны. Были попытки наладить с ним прямые переговоры зная, что часть старшины благосклоннее относится к союзу с Речью Посполитой, чем с Москвой. Завершение войны со Швецией предоставило возможность направления на восток всей совокупности вооруженных сил польско-литовского государства. В ходе кампании были попытки перетянуть казаков на польскую сторону, но только поражение казачьих войск под Слободищем и окружение московской армии воеводы Василия Шереметева под Чудновом сломало сопротивление черни и части старшины. В силу чудновского соглашения от 17 октября 1660 года казаки вернулись под власть Речи Посполитой. В ходе переговоров они настаивали на сохранении Русского княжества, однако польская сторона под впечатлением побед над царскими войсками сопротивлялась восстановлению Гадячской унии в полном объеме. Приподнеслись даже голоса за разрешения известные из конституции 1638 года. Гетманы Станислав Потоцкий и Ежи Любомирский по рекомендации короля и совету сената, чтобы избежать кровопролития и перетянуть на свою сторону казаков, обещая им амнистию и сохранение прежних прав, убедили участников совещания в лагере под Чудновом пойти на большие уступки. Однако пункты, относящиеся к Русскому княжеству, были переданы на решение сейма. В должности воеводы решено было оставить Юрия Хмельницкого, хотя было известно, что он быстро стал сговариваться с представителями царя. Такое решение принято ввиду того, что он признавался человеком слабого характера, лишённого чувства собственного достоинства и политических возможностей, следовательно лицом, не представляющим опасности для польских планов. На должность писаря был выдвинут Павел Тетеря, как лицо, воплощающее в жизнь политику, формируемую в Варшаве. Для королевского двора такие выдающиеся представители старшины, как Иван Выговский, были нежелательны, ибо как слишком сильные личности могли доставить государству много проблем. Сам запорожский экс-гетман, а нынешний киевский воевода, в начале августа 1660 года во Львове принося королю сенаторскую присягу и присягая на гадячские пакты, не скрывал намерения восстановления Княжества [3, с. 14-67; 4, с. 32-50; 5, с. 221-292; 6, с. 337-400, 607-608, 624-628].

Одновременно с этими действиями Речь Посполитая решила позаботиться об обеспечении своего царствования на Украине и других областях. Вскоре после чудновской победы королевский двор предписал Любомирскому держать Украину в повиновении [7, с. 27-30]. Польское владение на захваченной коронными войсками правобережной Украине превратилось в ничем необузданную военщину: грабеж остатков имущества, реквизицию продовольствия, насилие, применяемое польскими солдатами над населением Правобережья. Эта обстановка не влияла хорошо на отношение казаков и старшины к новым порядкам и польско-литовскому государству [4, с. 50].

Тем временем уже на рубеже 1660/1661 г. появились трудности. Попытки захвата Заднепровья польско-казацко-татарскими силами, предпринимаемые зимой 1661 года, не увенчались успехом, и осталось оно в руках Москвы. Зато на Правобережье появился конкурент в соперничестве за Украину – татары, которые решили воспользоваться случаем и подчинить себе казаков. Двор быстро сориентировался в ситуации и предпринял решительные меры, направленные на устранение угрозы разрыва союзов с Крымом и казаками. В переговорах с казацкой делегацией в январе 1661 г. в Кракове, Пражмовский указал, что Крым является врагом как для Польши, так и для Украины. В Бахчисарае польские послы должны были дискредитировать в глазах хана казаков как союзников. В конце концов, интересы государства у обоих союзников победили, но российская, как и татарская, деятельность стала причиной того, что при королевском дворе благосклонно, и даже прямо дружески, отнеслись к казацким посольствам, прибывшим к королю в первые месяцы 1661 года. Таким образом, хотели расположить к себе казацкую элиту и предотвратить как татарские, так и царские планы. Наиболее характерным симптомом этой деятельности является разговор канцлера Пражмовского с казацкими послами, проведенный им во второй половине января в Кракове. В этом разговоре Пражмовский, указав, что татары являются врагами как Украины, так и Польши, стал апеллировать к казакам за возвращением к прежней дружбе с Польшей, тогда и поляки не будут нуждаться в басурманской помощи и дружбе [4, с. 51-66, 84-97; 8, с. 609-634].

Договориться с казаками должны были на запланированном на 26 февраля 1661 года созыве в Ярославле, который не состоялся ввиду предполагаемого отсутствия Юрия Хмельницкого и Ежи Любомирского. Двор, опасаясь контактов казаков с Москвой и татарами, предполагал возможность восстановления Княжества, но шатания продолжались недолго. Этот выход был быстро отвергнут как невыгодный для интересов государства, но так как в Речи Посполитой готовились к продолжению войны с Россией, решено было привлечь по мере возможности широчайшие круги казацкой старшины, флирты которой то с Москвой, то с Крымом беспокоили официальные польские круги. Менее опасались возможности перехода казаков Хмельницкого на российскую сторону, особенно после попыток захвата Заднепровья силами Хуляницкого, зато все время беспокоили польскую властную элиту связи старшины с татарами.

Вопросом установления отношений с казачеством и привлечения их на сторону Речи Посполитой занялся сейм 1661 года. Он начался в обстановке страха, вызванного известиями об угрозе казацко-татарского союза и предполагаемого российского наступления на Правобережье. Однако этот страх быстро прошел, а казацкие акции, по мнению властной элиты и депутатов, пошли вверх в связи с все ухудшающимся, невыгодным для интересов государства, развитием ситуации в коронной войске, покинувшим Украину и образовавшем конфедерацию. Так как по его следам пошла и литовская армия, Речь Посполитая была лишена какой-либо военной силы на востоке, способной воспротивиться возможной российской агрессии, не говоря уже об осуществлении наступательных действий. В таком положении вещей единственной боеспособной армией могли быть лишь правобережные казацкие полки. Нужно также помнить и о том, что польский двор никогда не отказывался от использования казаков в борьбе за выбор наследника короля Яна Казимежа еще при его жизни [13, с. 245-248].

Правобережье рассчитывало на утверждение перемирия и урегулирование правового статуса казачества. Это успокоило бы ситуацию на Украине и дало бы Хмельницкому и его окружению серьезный аргумент в переговорах с представителями Заднепровья. Казацкие требования были поддержаны частью депутатов, особенно из земель, находящихся под контролем запорожского войска, для которого большое значение имело урегулирование вопроса владений, расположенных на Правобережье. Для двора по вышеуказанным причинам тоже было важно окончательное решение вопроса соглашения. Несмотря на это не было согласия на включение в договор пункта о Русском княжестве, утверждая в целом чудновское соглашение [9, с. 121; 10, с. 194-195]. Впрочем, в ходе обсуждения казацкие посланцы приняли это, "так как само Запорожское войско понимает ненужность этого Княжества" [11, с. 357].

Да и сами казаки, осознавая, что польская сторона не согласится на возвращение к Гадячской унии, выдвинули свои условия. Прежде всего, они не представили как условие *sine qua non* требование создания Русского княжества. Старшина стремилась прежде всего к обеспечению условий для развития автономии запорожского войска, играющего роль политического народа. Они стремились получить гарантии для сословия реестровых казаков, статуса обособленного, отдельного сословия, равного польскому и литовскому дворянству. Вместо политического отличия – сословное отличие. Казаки не должны были влиться в дворянство путем возведения, но в целом пользоваться такими же как оно правами. Требовали, между прочим, права на проживание на Украине не только в королевских владениях, но также частных и костельных, а также права на выход из повиновения королю и Речи Посполитой в случае нарушения условий соглашения. Православные имели право назначаться в украинских воеводствах на все должности, в четырех же дальних коронных воеводствах на Руси и во всей Литве на половину городских должностей. Казаки должны были быть подчинены лишь своим гетманам и военным судам, старшина должна была быть возведена в дворянство, получить бенефиции, вдовы же казаков обеспечение. Отказываясь от заседания метрополита и владык в сенате, они потребовали для православного духовенства мест в коронном и литовском трибуналах, а также ликвидации унии на Украине. Обещали принять участие в войне с Москвой в случае наступления не только на Украине, но и в Литве, но требовали присоединения соглашения к возможному мирному договору с Москвой [12, с. 90 – 94].

Интересным является то, что когда сейм решал отбросить важнейшие казацкие требования, по настоящему утверждая Чудновское соглашение, в Варшаве было уже известно об отступлении польских войск с Украины, волнениях в коронной армии, что нарушало только что полученный контроль над Правобережьем. Оказалось, что дворянство не смогло воспользоваться одним из последних шансов на прочную стабилизацию обстановки на Украине и обрести вновь Заднепровье. Не было сделано ничего, чтобы добиться поддержки той части старшины, которое разочаровавшись относительно возможности строительства самостоятельного государственного организма под властью царя, было готово сотрудничать с Речью Посполитой на условиях признания ею некоторых политических достижений, которых добились во второй половине XVII столетия. Зная, что Запорожское войско это уже не та сила, что несколько лет тому назад, казацкая старшина была готова отойти от идеи Русского княжества взамен за автономии, признание реестрового войска привилегирован-

ным сословием и гарантирование возможности возведения на военные заслуги в ряды родовой элиты. Речь Посполитая не нашла в себе столько мудрости, чтобы укрепить свое положение политическими средствами. А без решения проблемы присвоения запорожскому войску отдельного политико-общественного статуса тяжело было ожидать укрепления своей позиции на Украине и спокойствия на восточной границе [4, с. 70-71; 5, с. 309].

Соглашение было поддержано частью католических депутатов, представляющих восточные земли Короны – в значительной степени остающиеся под казацким контролем. Перед исполнением требования об отмене церковной унии, обещано проведение коллоквиума духовенства. Сомнительной уступкой был отказ прима-сом Вацлавом Лещинским и другими недовольными соглашением (в том числе некоторыми епископами) публикации документа по этому вопросу, чтобы "казаки не перешли на сторону московского царя и не признали его начальство". Тем не менее, он должен был быть присоединен к ратификационной конституции и зачитан на следующем сейме перед голосованием. Придворная группа рассчитывала на традиционные, но устаревшие и часто безуспешные методы привлечения старшины поместьями и возведениями во дворянство. Не видно, чтобы сенат предпринял попытку осуществления более реалистической политики по отношению к казакам, высказываясь в принципе в пользу соглашения с ними и одновременно за занятие коронной армией правобережной Украины, потому что "из-за покलों крестьянин мир не сделает" [4, с. 88-107; 5, с. 310-339; 9, с. 7-31, 53-57, 65, 69-72, 103, 121, 196-197, 208-209; 14, с. 77об-78; 15, с. 113об-114]. Ввиду невозможности использования объединившейся в конфедерацию коронной армии к борьбе с Россией на украинском фронте, осуществление действий на Заднепровье легло на плечи казацких сил, поддерживаемых татарами. Королевский двор не хотел, чтобы Речь Посполита полностью отсутствовала в этом розыгрыше. В Варшаве было известно, что наказной заднепровский гетман Яким Сомко не пользуется доверием Кремля, который постоянно преследовал его и что из-за этого он вынашивал намерение покинуть неблагодарную службу у царя Алексея Михайловича. Оттуда идея отправления открытых писем, направленных к Сомко и тамошним полковникам, с заверением в королевской милости, если перейдут на сторону Речи Посполитой. Эти письма были подготовлены по просьбе Хмельницкого накануне его похода на Заднепровье, и трудно сегодня однозначно утверждать, что таким образом Ян Казимеж хотел осуществлять последовательную политику по отношению к казакам. Ибо в Варшаве опасались, что возможные татарско-казацкие успехи в Заднепровье могут привести к отрыву казаков от Речи Посполитой. Поэтому и предприняты были также другие действия, направленные на возврат Украины, но также на усмирение казачества – действия направленные на заключение договора с Россией, в котором царь откажется от власти над казаками и в будущем под свое покровительство принимать их не будет [4, с. 104]. Требование возврата этих земель проявлялось в польско-русских переговорах до 1663 года, свидетельствуя о том, что при кризисном положении в государстве двор и элита поставили на другие способы усмирения Украины, чем на договоренность с казачеством, не гарантирующую окончательно решения вопроса возвращения дворянства в свои имения на полных правах.

Политические и военные провалы стали причиной того, что на переломе 1661/1662 года положение Юрия Хмельницкого стало плохим. Мало того, наложились на

это также нарастающий конфликт на самой правобережной Украине. Ратификация сеймом Чудновского версий соглашения, да еще и без удовлетворения уступок казачеству, толкнул казацкую элиту к поискам других, не совсем законных, методов осуществления своих политических потребностей. На Правобережье стал нарастать конфликт, подогреваемый между прочим отсутствием военной поддержки со стороны коронной армии, не урегулированием вопроса возврата церковного имущества удерживаемого униатами, а также возвращением дворян в свои имения. В соответствии с решениями Чудновского соглашения гетман был вынужден согласиться с возвратом дворянству принадлежащих ему имений. С этой целью даже были выданы специальные универсалы к казакам и крестьянам. Очевидным является то, что предпринятые попытки воплощения этих постановлений в жизнь спровоцировали конфликты между старыми(дворянством) и новыми(казаки и старшина) владельцами имений, а также между дворянством и его бывшими подданными.

Наложилась на это еще и религиозные вопросы. Униаты, пользуясь поддержкой короля, папского нунция и католического епископата, отказывали в уступках в пользу православных. Происходили также случаи занятия ими православных сакральных объектов. Король был вынужден резко воспротивиться этим практикам, потому что в октябре 1661 года Хмельницкий в довольно острой форме потребовал возврата церковных имений, ставя это в зависимость к участию казацких войск в операциях коронной армии [4, с. 74-75; 16, с. 257].

В декабре 1661 года в Вильнюсе, где пребывал Ян Казимеж, предстало казацкое посольство с Федором Коробкой и Остафием Фацкевичем во главе. Посланцы передали просьбу запорожского войска, чтобы король попытался успокоить ситуацию в Украине, приостановить практику дворян по возвращению в свои имения, расположенные на Правобережье, и окончательно решить вопрос возврата церковей униатами [17, с. 180-181; 18, с. 129-132, 162-165]3. Король, под влиянием этих просьб и принимая во внимание большую роль, какую должны были сыграть казацкие полки в воздвижении Конде на польский престол, а также не желая допустить дальнейшей дестабилизации ситуации в Украине, выдал 8 декабря 1661 года универсал, в котором запретил отбирать у казаков принадлежащие им до сих пор владения, пока специальной комиссией не будут решены все дела по этим владениям в судебном порядке. Те дворяне, которые успели отобрать у казаков свои владения, должны были их вернуть прежним владельцам. Остальным же владельцам рекомендовано, чтобы они воздержались с обратным получением своих земель, по крайней мере, до следующего сейма [9, с. 173, 196].

Такое поведение двора исходило из желания обеспечения мира на Украине в то время, когда в Речи Посполитой продолжалась острая политическая борьба. Казаков хотели использовать для поддержки действий королевского окружения и одновременно как пугало для оппозиции. Ведь когда обстановка в Речи Посполитой стала развиваться в невыгодную для короля и его сторонников сторону, снова появились планы использовать казаков в борьбе с оппозицией [5, с. 317].

Тем временем обстановка на Украине, несмотря на издание королем упомянутого универсала от 8 декабря, серьезно обострилась. Этот документ не соблюдался дворянством, которое по-прежнему прибывало на Правобережье, вызывая конфликты с казаками. Наконец запорожский гетман, чтобы предотвратить вспышку недовольства и отдавая себе отчет в том, что дальнейшее ожидание может привести к потере авторитета

у казачества, предпринял решительные шаги. Приказав вывести дворян и арендаторов из частных и королевских поместий [20, с. 443]. Этот приказ мог значительно обострить отношения на линии Варшава – Чигирин. Тем более что запорожское войско решило продолжить свои действия, перемещая действия на арену сейма.

В указании на созываемый 20 февраля 1662 года сейм, казацкая сторона требовала, прежде всего, удовлетворить претензии православной церкви (вернуть отобранные униатами сакральные строения и поместья) и прислать на Украину военные подкрепления [19, с. 413-418]. Но уже во время заседания сейма, казацкая делегация на сессии 28 марта напомнила, между прочим, о том, "чтобы пункты Гадяцкого соглашения были полностью сохранены". Это был четкий сигнал, что молодой Хмельницкий и его окружение, не смотря на пропольскую установку, не намерен отказываться от обеспечения себе верной позиции в рамках польско-литовского государства. Оказалось тоже, что Чигирин искал поддержку для своих требований, между прочим, у объединившегося в конфедерацию литовского войска, а также Ежи Любомирского [7, с. 324; 16, с. 258-259].

Позиция делегации и требования, представленные ею, встретились с решительным сопротивлением со стороны католических депутатов и дворянства из украинских воеводств, возмущенного последними решениями Хмельницкого. Эта реакция и известия о начале польско-московских переговоров стали причиной того, что казаки согласились отложить рассмотрение своих требований до следующего сейма. Сумели только добиться создания специальной комиссии, которая должна была заняться вопросом возврата православным церковных имений. В постановлениях сейма нашлись, между прочим, записи о возврате поместий, переданных казакам, их прежним владельцам и запрет временного расположения казацких полков на Брацлавщине. Запрещено также занос в казацкий реестр населения из дворянских владений, отменены были все казацкие привилегии, присвоенные казакам на прежние дворянские имения, равно как и универсалы запорожского гетмана, противоречащие правам на собственность польского дворянства. Одновременно сеймовая конституция оговаривала, что на будущее никакие универсалов, убавляющих права дворянства на поместья на Украине, издаваться не будет [11, с. 390; 18, с. 168-176; 16, с. 261-262].

Все указывало на то, что Речь Посполитая во что бы то ни стало стремиться к умирению обстановки на Украине. С точки зрения тогдашних интересов государства это было необходимо, ибо без полного закабаления правобережной Украины, а также решения кризиса в армии, не могло и речи быть о продолжении войны с Россией. Эти две равные проблемы (вопрос Украины и решение военного вопроса) выдвигаются на первый план государственных задач этого периода.

В марте 1662 года королевский двор, обеспокоенный неблагоприятным для Речи Посполитой развитием событий на Украине, решил отправить в Чигирин Павла Тетерю. Он должен был прежде всего присмотреться к казацко-татарским контактам и принудить гетмана к согласию на возврат дворянству его имущества [7, с. 268-269]. Прежде чем дошло до этой миссии, 14 апреля Юрий Хмельницкий издал универсал, в котором извещал, что король обещал выполнить постановления гадяцкой унии и чудновского соглашения. Требуется, однако, чтобы не препятствовали дворянству вновь обретать его прежние имения. Одновременно гетман обратился к дворянству, чтобы не причинять зла казакам, проживающим в их имениях [19, с. 421; 17, с. 183].

Как можно надеяться, этот универсал не предотвращал дальнейшего обострения обстановки на Украине. В 1662 году все отчетливее становились признаки острого кризиса внутри казацкой элиты, готовящейся к борьбе за власть. На арену событий вернулся бывший гетман, а ныне киевский воевода и сенатор Речи Посполитой, Иван Выговский. Он отчетливо ставил на татарско-турецкую карту, а его политика нашла поддержку среди части старшины. Появились тоже сигналы о связях молодого Хмельницкого с Москвой. И так, нет ничего удивительного, что недоверчиво присматривались в Варшаве к его переговорам с татарами [18, с. 154]. Все заметнее становилась угроза перехвата гетманской власти из рук непопулярного Хмельницкого недоброжелательно настроенной к Польше старшиной. В Заднепровье крепнул пользующийся российской поддержкой Иван Брюховецкий, который мог предъявить претензии к Правобережью и ввиду господствующих там беспорядков подчинить его себе. Это же могло усложнить ситуацию королевского двора, готовящегося к новой, решающей кампании против России. В таком случае необходимым было усмирить Правобережье и заручиться его военной поддержкой в предстоящем походе. Поэтому и было принято решение об отстранении Хмельницкого от должности запорожского гетмана и передаче запорожского жезла Павлу Тетере, лицу гарантирующему, что казачество сохранит верность королю и польско-литовскому государству. Бывший генеральный писарь осенью 1662 года появился на Украине, а в январе благодаря поддержке татар принял жезл с рук Ю. Хмельницкого.

Это был несомненно великий успех Речи Посполитой. Высшего поста на Украине добился человек, преданный королю и Польше, пользующийся их полным доверием. Таким доверием не пользовался ни один из контркандидатов на жезл. Двор и польские элиты могли быть уверены, что пока запорожским гетманом является Тетеря, интересы Речи Посполитой на Украине не будут подвержены никакой неожиданной опасности. Накануне новой военной кампании это имело огромное значение. Ничего удивительного, что сообщения об избрании Ивана Брюховецкого гетманом Заднепровья и кровавая расправа с политическими соперниками на совете в Нижине, не произвели никакого впечатления на польских политиков. Как раз наоборот, предполагалось, что враги и не поддерживающие нового заднепровского гетмана лица в момент вступления польско-казацко-татарской армии перейдут на королевскую сторону. Таким образом в начале 1663 года Польша встала твердой ногой на правобережной Украине и хотя опасность татарского забора все время висела над этой страной, обстановка по сравнению с минувшим периодом изменилась в пользу Речи Посполитой. На Украине были подготовлены условия для предприятия снова, теперь в большом масштабе, военной расправы с Россией.

Чтобы устранить все препятствия соглашению, канцлер Миколай Пражмовский, в тайне от дворянского общественного мнения, положил начало переговорам по делу о новой церковной унии в связи с планами, принятыми в последние годы царствования Владислава IV. Однако не произвели они эффекта. Одним из немногих следов серьезного подхода к казацкому вопросу в этот период является созданный на переломе 1663 и 1664 г. интересный меморандум на тему установления отношений на Украине после победоносного окончания конфликта с Москвой. Высказывалось в нем пожелание, чтобы Ян Казимеж, возвращаясь с войны, задержался на Украине, лучше всего в Киеве, где окончательно утвердил бы и воплотил в жизнь постанов-

ления обоих последних пактов с казаками – Гадыяцкого и Чудновского. Главное пожелание включало отрыв казаков от крестьян и мещанства и лишение в будущем возможности их угнетения дворянством и арендаторами королевских поместий. Прочное устранение источников бунтов требовало – по мнению автора – присутствия государя, авторитет которого среди русин и дворян делает, что будут выделены из королевских и частных владений казацкие земли. Единственной повинностью казаков в будущем должна была быть военная служба, при этом количество выставленных в поход лошадей должно было быть соразмерным размеру надела. С оговоркой, чтобы после смерти казака, земли возвращались в распоряжение короля. Этот вопрос, равно как и расположение и содержание польских гарнизонов, требовал, по мнению автора, поддержки дворянства. На сеймике, который должен был пройти, для удержания пропольского гетмана (Тетери) необходимо будет присутствие государя, потому что только в такой обстановке дворянство может смириться с изменениями. Избирательный закон должен был быть утвержден сеймом. Наконец было брошено предостережение о том, что пренебрежение к этому плану угрожает новыми бунтами и поисками казаками помощи у турецкого султана. Недостаточно доказательств, чтобы эта интересная и компромиссная концепция вызвала заинтересованность. Заднепровский поход Яна Казимежа 1663/64 г. был последней и неудачной попыткой преодоления тупика и победы над Россией. Мало того, что закончилась она безуспешно, так еще возвращающиеся из кампании коронные войска вынуждены были бороться с антипольским восстанием, вспыхнувшим в начале 1664 года. Военная слабость принесла раздел Украины на российскую и польскую части; в последней росли влияния татарские и турецкие [4, с. 68-91, 116-132, 134-144, 150-196; 21, с. 212–215].

Когда коронное войско под командованием Стефана Чарнецкого, поддерживаемого Тетерей и татарами, пыталось усмирить правобережную Украину, Речь Посполитая медленно погружалась в хаос внутреннего конфликта между стремящимся к избранию еще при жизни короля Яна Казимира на польский престол французским принцем и дворянской оппозицией, управляемой великим коронным маршалом и полевым гетманом Ежи Любомирским. В таком положении, когда даже сеймы 1664/65 и 1665 были подавлены этим конфликтом, ни двор, ни дворянское общественное мнение не занялись казацким вопросом. Предпринимаемые с этой целью усилия погибали в пылу внутренней борьбы. Да и видимость могла указывать, что положение не такое уж плохое. На сейме 1664/1665 года посольство коронного войска представило заседающим в сейме как пленных, так и сто трофейных казацких и российских знамен. Так же поступили, но уже после завершения заседания, послы литовской армии. Только 9 января, уже после срыва сейма, казацкие послы на официальной аудиенции зачитали свое указание, "заступаясь за церковь, Академию и другие материи от себя далекие", как записал участник сейма, по-видимому не понимающий, что казаки представляют интересы всей Руси [22, с. 7-9; 23, с. 198-199; 24, с. 61, 124–125; 25, с. 99-174].

Начало мятежа летом 1665 года поспособствовало катастрофе на Украине. Часть коронного войска объединилась с Любомирским, часть с королем. После сейма 1665 года Павел Тетеря предложил 12 тыс. казаков против Любомирского, но его власть и власть Польши на Украине висела на волоске и уже в июне перестала существовать. Только что назначенный великим коронным маршалом Ян Собеский не разбирался в ситуации,

коль на подавленном королевскими сторонниками совете сената во второй половине мая 1665 г. поддержал принятие этого пердолжения! Любомирский, так же как двор, добивался казацкой и татарской помощи. Вывод коронной армии обозначал выдачу страны в татарские руки. Обольщало надеждой, что татары – которые выдвинули на пост гетмана Петра Дорошенко – будут защищать Украину и вернуть ее после окончания войны. Изможенная Речь Посполита и Москва не были способны на решающее столкновение, что обозначало раздел Украины, неприемлимый как для казаков, так и для Турции и Крыма [4, s. 214-222; 25, с. 130; 27, с. 85-99].

Правда на первом сейме 1666 года появились отдельные голоса по вопросу Украины, но они сосредотачивались на его силовом решении: подавлении бунта и принуждении казаков к повиновению; затем планировалось нападение на Москву. Обстановку в Варшаве разрядили сообщения, поступающие от нового гетмана, Петра Дорошенко, который, после устранения других потенциальных претендентов и принятия жезла осенью 1665 года, завязал контакты с королем, заявляя о полной лояльности. Прибывшее на сейм 1666 года казацкое посольство заявило о готовности служить во всех нуждах Речи Посполитой, но при условии возвращения к зборовским пактам! "Торжественная речь была казацкая, но указание гадячское" – подчеркнул один из депутатов сейма. Они требовали ликвидации постановления сейма уницкой церкви, предоставления метрополиту с владыками мест в сенате, свободы в избрании метрополита православной общественностью, наконец, выделения казацкой Украины в рамках Речи Посполитой. В споре о поручении метрополии казаки поддерживали Юзефа Нелюбовича Тукальского – вопреки двору, выдвинувшему кандидатуру Антона Винницкого. Несмотря на это король решил освободить пребывающего с 1664 года в тюрьме в Мальборке Тукальского, задержанного на основании интриг Тетери и содержащегося вместе с ним брата Гедсона (Юрия Хмельницкого). Это должно было быть проявлением доброй воли перед Дорошенко, хадатайствующего о популярном в казацкой среде Тукальском. После годичного пребывания в Литве он выехал на Украину, становясь главным советником Дорошенко. Авторитет популярного председателя Церкви значительно укрепил позицию гетмана Правобережья и на Заднепровье. Освобожден был потом и Хмельницкий, возможно из-за Собеского, который все лучше понимая обстановку на Украине, хотел умерить напряженность между Россией и поляками и завязать нити порывающегося сотрудничества.

Вернемся теперь к заседанию сейма, на котором неопределенно обещано соблюдать казацкие свободы и отправить из сейма комиссию для рассмотрения требований. Ответ на речь казацких послов, представленный канцлером Миколаем Пражмовским, был благосклонным – что ввиду отступления Франции от вопроса избрания перед продолжающейся гражданской войной – было понятным. Но уже королевский ответ на требования Дорошенко был положительным лишь в мелочах, большинство хадатайств было отброшено или отправлено на очередной сейм. Двор во время заседания представлял себе, что срыв сейма и отсутствие полномочий для комиссаров вызовет реакцию Дорошенко, коль в конце апреля предупредил заседающих о казацко-татарско-турецком союзе и угрозе турецкой войны. Разгоряченное угрожающим мятежем сословие отнеслось к этому как к "сеймовым новостям" [28, с. 525; 19, с. 611-614; 26, с. 205-248].

Тем временем военная слабость и нарастающая угроза конфликта с татарами и Турцией произвели, что

двор встал на позиции примирения с Москвой и создания общего фронта против угрозы с юга. Результатом этой перемены был протест короля по отношению к наступлению, предпринятому Дорошенко на Заднепровье летом 1666 г. Приказ о прекращении действий признал он ударом в спину, не прекратил действий и все благосклоннее относился к предложению разрыва с Польшей, заявляемому татарской стороной. В Варшаве не принималось слишком близко к сердцу разные предостережения о зараждающемся казацко-татарском союзе и возможном начале войны на Украине. Лишь сообщение о поражении под Браиловом и разгроме корпуса Себастиана Маховского отрезвили польских политиков. Однако их реакция не стало предпринять попытки сговориться с казаками и Дорошенко, а согласие на заключение перемирия с Москвой [4, с. 222-223, 227-256; 27, с. 104-130; 29, с. 9-22, 36-38].

В 1667 г. по-прежнему не предпринято никаких действий, направленных на отрыв казаков от татар и Порты. Ибо оппозиция не верила в турецкую угрозу на Украине, считая, что это ширма планов возведения на престол французского кандидата. Впрочем, кажется, что такое соглашение не было тогда возможным. Когда польский посол в Стамбуле стремился навязать контакт с послами Дорошенко, обещая им амнистию, они заявили, что так далеко находятся от подданства и дружбы с Польшей, как небо от земли [30, с. 38-46; 31, с. 572-596].

На сейме 1667 г. относительно Турции и казаков немногие даже связанные с двором сенаторы при голосовании поддерживали обеспечение каменецкой и белоцерковской крепостей, как и отправление комиссии на переговоры. К сообщениям о турецкой угрозе депутаты относились как к "сеймовым новостям", а утвердили их в этом слухи о намерении прибытия князя Конде, кандидата на польский престол. К счастью полевой гетман Ян Собеский отбил нападение, заключив осенью 1667 г. трактат под Подгайцами. В его силу возобновлена была дружба с ханом, казаки же возвращались – по крайней мере формально – под власть Польши. Собеский, однако, не обладал полномочиями на удовлетворение казацких требований, отсылая их на ближайший сейм, следовательно, не прекратились никакие из мотивов, подталкивающих казаков в руки Турции. Стоит вспомнить, что в меморандуме, составленном летом 1667 г., львовский кастелян Анджей Максимилиан Фредро признал полезным возможный брак овдовевшего Яна Казимежа с царевной. Это – по его мнению – принесло бы возврат утраченных земель и объединение сил против турков и татар. Важное место в обновленных планах турецкой войны предоставил казакам, "при подтверждении своих свобод – что необходимо". "Такая война – подчеркивал – освободила бы страну от турецких нашествий, расширила границы, облегчая наступление вглубь турецких владений, московский союз же ослабил бы Швецию, в будущем предоставляя возможность даже вернуть Инфлянты" [29, с. 17-19, 44-47, 66, 104-105; 30, с. 49-53; 32, с. 232-234].

Ян Собеский, осознавая тяжелое положение государства, перед лицом казацко-татарского наступления в письме от сентября 1667 г. безуспешно советовал королю обещать казакам не только комиссию, но и удельность. Диверсионный удар Ивана Сирко и запорожских казаков на Крым решающим образом способствовал успеху кампании, указывая, что неприязнь к татарам по-прежнему могла бы быть для части казаков осью взаимопонимания с Польшей. После заключения Подгаецкого договора, правящая в Варшаве группа безуспешно стремилась разными путями добраться к Дорошенко и изменить его отношение, нет однако же

доказательства, что ему было предложено значительное корректирование прежней политики. Угрожающая позиция Турции и Крыма склонила дворскую группу уплотнить отношения с Москвой, к которой из сейма 1667 г. было отправлено посольство, заключившее с российской стороной оборонительный союз (14 XII 1667 г.), направленный не только против турок и татар, но также против казаков Дорошенко, если не покинут они своих мусульманских союзников. После заседания сената решено было обратиться к царю о поддержке на Украине действий против Дорошенко [29, с. 66, 116-117; 30, с. 37-38, 53-125; 33, с. 89-90].

Двор в программе первого сейма 1668 г. предостерегал перед турецкой войной, сомневаясь в прочности уговора с Крымом. Вспоминалось о притязаниях Запорожцев, для рассмотрения которых следовало бы создать комиссию, а Петру Дорошенко предоставить символы гетманской власти и чегириное староство. Рекомендовалось также удвоение войска (до 24 тыс. в Короне), но угроза турецкой войны не считалась реальной. Сейм, подчиненный конфликту вокруг избрания, не поднял казачьего вопроса. Напрасно заместитель канцлера Анджей Ольшовский предостерегал, что надо помнить о гарнизоне в Белой Церкви и ратификации Подгаецкого пакта с казаками, так как нельзя доверять татарам. Лишь после сейма совет сената выслушал сообщения посольства из Турции и Собеского о подгаецкой кампании. На совете обсуждались способ отправки татарского посла, осуществления казачьей комиссии так, чтобы удержать казаков в послушании, обеспечение защиты находящихся под угрозой крепостей. В связи с мятежными настроениями в Короне, маловероятным кажется, чтобы Собеский – как утверждает гданьский секретарь – предложил созыв ополчения из-за опасных волнений на Украине [29, с. 108-109, 116-125, 34, с. 263–263об].

Ян Собеский после Подгайцев делал все, чтобы не обострять обстановки и внимательно следил за деяниями Дорошенко, который опять ударил по Заднепровью (1668 год). Он обязался не отправлять на Украину до окончания зимы, а по крайней мере до окончания сейма, никакой хоругви; поощрял Дорошенко к отправке послов на сейм, обещая со своей стороны любую поддержку, заверил, что король предоставит запорожскому гетману чегириное староство, выдаст знамя, жезл и так называемые военные ценности. Небольшое значение имело почтение, с каким относились к себе оба гетмана – великий коронный и запорожский – хотя на Украине и в Москве настойчиво повторялась легенда о их тайном сговоре. Несмотря на отсутствие казачьих послов на первом зимнем сейме 1668 г., заместитель канцлера Анджей Ольшовский обещал отправление комиссии на Украину. Лишь после срыва сейма Собеский выпросил согласие на комиссию, а одним из ее членов должен был быть черниговский воевода Станислав Казимеж Беневский. Однако шансы на соглашение были невелики. Уже в конце февраля из Москвы направлено к резиденту в Варшаве требование, чтобы Польша оказала помощь против бунтовщиков на Заднепровье. Король и сенат заявили, что не была ими принята предложенная при посредстве Дорошенко власть над Левобережьем. Ян Казимеж издал универсалы к литовским и коронным гетманам, чтобы купили войско и снесли с царскими воеводами. Наверное в Варшаве по-прежнему питали надежду перетянуть Дорошенко, которому в конце марта 1668 г., почти через три года после избрания, была выдана гетманская привилегия. К концу апреля гетман Правобережья обусловивал начало деятельности комиссии по возврату отобранных Павлом Тетерей церковных, казачьих привилегий и символов власти запорожского войска. Правобережная Украина стала ускользать из-под и так то-

лько формального польского контроля. Собеский, а за ним двор и сенат, пытались разобраться с фатальным развитием обстановки на Украине. Весной Собеский стремился привести, через своих резидентов в Бахчисарае и посла к очаковскому паше, к срыву контактов Дорошенко с Крымом. Летом 1668 г. канцлер Ян Лещинский рассуждал даже о необходимости созыва ополчения, а краковский епископ Анджей Тшебицкий рассчитывал на российское подкрепление. Главные усилия сосредоточивались на поддержке отношений с Турцией и Крымом, приостановке вспышек на Украине для того чтобы выиграть время. Собеский обещал возврат полученных от Тетери символов запорожского войска и гетманских, а также сообщил, что добился выдачи привилегии на жезл для Дорошенко (фактически символы гетманской власти были переданы потом Ханенко). Однако в начале июня Дорошенко не был уже заинтересован комиссией, информируя об успехах на Заднепровье, и призывал Польшу к войне с Москвой для обретения вновь всей Украины. Данное им в начале августа обещание отправления казачьих послов на сейм было только завесой. Ян Собеский проинформировал сеймики о нарастающих угрозах еще до сейма по отречению от престола, но отклика не получил, хотя казаки Дорошенко начали в это время вооруженные действия против польских гарнизонов в крепостях на Правобережье. Будучи великим гетманом Собеский уже весной был убежден в необходимости вооруженной акции против Дорошенко. Передвижение коронной армии в пограничной полосе вызвало ускоренное возвращение казачьего гетмана из-за Днепра. В июле 1668 г. коронный маршал из-под Ляхович укрепил гарнизон Белой Церкви, но его силы были слишком малы для решительной акции, вдобавок вместо того чтобы поехать на Украину, Собеский вынужден был съездить на сейм по отречению от престола. Или все время он рассчитывал на налаживание отношений с Дорошенко, или хотел выиграть время, но согласно требованию Дорошенко сменил критикуемого за угнетение коменданта ключевой крепости Яна Стахурского, а в сентябре русский воевода Станислав Яблоновский привез в Чигирин заключенную в тюрьму казачью старшину. В это время Дорошенко имел под спудом приготовленный турецкий союз, ибо оговорил условия, по которым должен был принять турецкое покровительство. Несмотря на нарастающую угрозу войны, последний сейм не занялся казачьим вопросом, хотя в королевских письмах на сеймики обращалось внимание на принятие казаков под турецкое покровительство, рекомендовалось увеличение армии, ратификация подгаецкого трактата и укрепление Каменьца [35, с. 292-310; 27, с. 145-219; 36, с. 336-337; 344-346; 356-358; 361-365, 371-372, 373-374; 378-380, 381-384, 390-394, 403-404].

Подводя итоги можно признать, что Речи Посполитой, двору и дворянству в 1660-1668 гг. не удалось как оценить ситуацию, так и установить иерархию целей и способов их достижения. Невозможно согласиться с политикой польских элит, которые после военных успехов 1660 г. попали в убеждение о возможности преодоления Москвы и обретения вновь утраченных земель на Востоке без привлечения на свою сторону казачества. Эта уверенность оказалась погубной. Политику по отношению к казакам разрушали выборные планы, так как сенаторы подчинили им все другие, независимо от того, поддерживали ли они или возражали против планов королевы Людовики Марии. Примером непоследовательности и противоречия дворовой группировки было намерение использовать казаков против военных конфедератов, а потом мятежников. Хотя рассчитывалось на то, что казаки внесут крупный вклад в успех, неслышно было, что намеревались заплатить за это

узаступками. Несмотря на все более очевидный провал казачьей политики, в противоположность 1648-1659 гг., не было попыток ее корректировать. Вместо того, чтобы поддерживать пропольскую партию, после 1660 г. ее обессиливали, вместо того, чтобы договариваться с ее лидерами на приемлемых для обеих сторон условиях, отодвигали на второй план серьезных и популярных политиков и казачье командование, или даже физически их устраняли, как Ивана Богуна или Ивана Выговского. Делали ставку на слабых или преданных, как Юрий Хмельницкий и Павел Тетеря. Мало того, не хватает доказательств на предпринятие серьезных дебатов о казачком вопросе как на сеймах, так и в публицистике. Очень неприязненно относящийся к украинцам Францишек Равита-Гавронский, комментируя события после второго переяславского договора (1659), заметил, что уже тогда коронный квартирмейстер Анджей Потоцкий в письме королю советовал для "успокоения" Украины заключить тайный уговор с Москвой, принуждать страхом к повинению, выдавать неподатливых в плен татарам. "Непонятным образом для сегодняшнего политика и статиста, в обезлюдении страны усматривал интерес страны. И кто знает, такая ошибочная политика не была ли желанием тогдашнего правительства Речи Посполитой, уставшего от терзаний с казачеством и не умеющего найти другого выхода" [3, с.35]. Сомнительно, чтобы такая концепция была формально принята, но на практике похожие последствия были результатом временных решений во время военных действий, а затем передачи контроля над Украиной татарам. Турецкая война и переселение народонаселения в семидесять годы почти закончили процесс обезлюдения Правобережья. Казаки после Андрусова склонились в сторону Турции, что похоронило надежду укрепиться и обрести вновь утраченные в пользу Москвы земли.

Остается, однако, все время актуальный вопрос, не был ли уговор опоздавшим актом, как это было в случае гадячской унии? Пролилось слишком много крови по обеим сторонам, противоречивыми были тоже их интересы. Рядовые казаки и крестьяне опасались возвращения феодального и религиозного гнета, а дворянство не намеревалось мириться ни с потерей своих имений, ни с привилегированностью казачества и крестьян. Оно было против компромисса, соглашаясь с уступками лишь в критических моментах и по возможности в малейшем объеме. Элиты с обеих сторон не сумели преодолеть эти настроения, имея определенное мнение на счет условий, на каких Украина должна была существовать в рамках Речи Посполитой. Победоносная польская сторона соглашалась на столько уступок, чтобы не потерять контроль над этими землями, не нарушить права дворянства на собственность, униатскую религию и повышение казачьего реестра. Уже забыто о том, что писал в 1658 году Ян Лещинский, указывая, что ключом к счастливому окончанию войн со Швецией и Россией является приобретение казачества и Украины. Очередной, чреватой последствиями, ошибкой элит было предположение, что Москва будет более лояльным партнером в борьбе с Турцией, чем казаки; отказываясь от Заднепровья, рассчитывалось на укрепление власти в правобережной части Украины.

Сенат поддался сословной политике дворянства, неприязненно относящегося к православию и плебейским русинам, возможно отчасти поэтому, что для нового поколения политиков война на Украине была "всегда", являлась постоянным элементом соотношения сил. Кажется, что потом не было лучше. Во время так называемой острожской комиссии 1670 г., вопреки королю и его ближайшим советникам, безуспешно хлоп-

отал о соглашении Ян Собеский – в результате Польша оказалась в войне с Турцией. Собеский, взшедший на престол, сделал вывод из поражений, благодаря чему после 1683 г. руками верных казаков восстановил контроль Польши над южной частью киевского воеводства и брацлавским воеводством. Польские государственные деятели были, однако же, невосприимчивыми к вытекающим из этого наукам, и после карловицкого мирного договора 1699 г. приняли решение о ликвидации украинской автономии, следствием которого было восстание Семена Палия.

Список использованных источников

1. Kroll P. Od ugody hadziackiej do Cudnowa. Kozacyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658-1657 – Warszawa 2008.
2. Kroll P. Instrukcja na rozmowy z Kozakami uchwalona na konwokacji warszawskiej w 1658 roku, w: Od Kijowa do Rzymu. Z dziejów stosunków Rzeczypospolitej ze Stolicą Apostolską i Ukrainą, pod red. M. R. Drodzowskiego, W. Walczaka i K. Włszowatej-Walczak – Białystok 2012.
3. Rawita Gawroński F. Ostatni Chmielnicznko. Zarys monograficzny 1640-1679 – Poznań 1919.
4. Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza – Warszawa 1959.
5. Горобець В., Еліта козацької України в пошуках політичної легітимації: стосунки з Московією та Варшавою, 1654-1665 – К. 2001.
6. Kubala L. Wojny duńskie i pokój oliwski 1657-1660 – Lwów 1922.
7. Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie – nr 1065.
8. Wójcik Z. Ryzwalizacja polsko-tatarska o Ukrainę na przełomie 1660-1661 – Przegląd Historyczny – R. 1954.
9. Ochmann S. Sejmy z lat 1661-1662. Przegrana batalia o reformę ustroju Rzeczypospolitej – Wrocław 1977.
10. Mironowicz A. Prawosławie i unia za Jana Kazimierza – Białystok 1996.
11. Volumina Legum – t. IV – wyd. J. Ohryzko – Petersburg 1859.
12. Mironowicz A. Instrukcja posłom kozackim na sejm Rzeczypospolitej w 1661 roku dana – Granice i pogranicza. Historia codzienności i doświadczeń – red. M. Liedke, J. Sadowskiej, J. Trynkowskiego – Białystok 1999 – t. 1.
13. Kroll P. Polityka hetmanów kozackich w pierwszeń połowie lat 60. XVII wieku. Próby odbudowy jedności Ukrainy – Od Zborowa do NATO (1649-2009). Studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich od XVII do XXI wieku. Monografia naukowa. Historia – red. M. Franza, K. Pietkiewicz – Toruń 2009.
14. Archiwum Państwowe w Gdańsku – nr 300.29/151.
15. Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie – nr 1569.
16. Яковлева Т. Руїна Гетьманщини: Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659-1667 pp.) – К. 2003.
17. Універсали українських гетьманів від Івана Виговського до Івана Самойловича (1657-1687) – К. 2004.
18. Памятники изданные временною комиссиею для разбора древних актов – т. IV – К. 1859.
19. Biblioteka Czarotorskich w Krakowie – nr 402.
20. Biblioteka Czarotorskich w Krakowie – nr 2446.
21. Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy 1648-1668. Publicystyka – eksorbitancje – projekty – memoriały – oprac. S. Ochmann-Staniszevska – Warszawa 1990 – t. II.
22. Archiwum Główne Akt Dawnych, Archiwum Publiczne Potockich – nr 321.
23. Archiwum Główne Akt Dawnych, Zbiór Branickich z Suchej – nr 42/56.
24. Kłaczewski W. W przededniu wojny domowej w Polsce. Walka sejmowa lat 1664-1665 – Lublin 1984.
25. Waliszewski K. Polsko-francuskie stosunki w XVII wieku, 1644-1667 – Kraków 1889.
26. Крикун М. Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття – К. 2006.
27. Смолий В.А., Степанков В.С. Гетьман Петро Дорошенко. Політичний портрет – К. 2011.
28. Wójcik Z. Nieznane dokumenty do biografii Pawła Tetery. Jerzego Chmielnickiego i Józefa Tułalskiego – Przegląd Historyczny – t. LII – z. 3 – 1961.
29. Matwijow M. Ostatnie sejmy przed abdykacją Jana Kazimierza 1667 i 1668 – Wrocław 1992.
30. Wójcik Z. Między traktatem andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667-1672 – Warszawa 1968.
31. Kersten A. Hieronim Radziejowski. Studium władzy i opozycji – Warszawa 1988.
32. Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy 1648-1668. Publicystyka – eksorbitancje – projekty – memoriały – oprac. S. Ochmann-Staniszevska – Warszawa 1991 – t. III.
33. Biblioteka Czarotorskich w Krakowie – nr 401.
34. Archiwum Państwowe w Gdańsku – nr 300.29/158.
35. Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego, 1629-1674 – t. II – Kraków 1898.
36. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego – t. I – cz. I – Kraków 1880.